

произведений мастера, исследования теории авторского творчества и древнерусского церковно-певческого искусства в целом.

Изучение истории жизни и деятельности распевщика и дидака Федора Крестьянина показывает, что он был одним из самых выдающихся представителей профессионально-музыкального искусства России XVI – начала XVII в. Высокий природный дар, полученные у лучших учителей знания, знакомство с видными мастерами той эпохи и их произведениями позволили ему развить собственное творчество и заслужить признание у современников. Не случайно именно ему русские цари, начиная с Ивана Грозного, доверяли обучение и воспитание своих певчих дьяков. Выявленные к настоящему времени произведения Федора Крестьянина, разработанная методика анализа древних песнопений делают реальной возможность создания монографического труда по исследованию творчества одного из самых выдающихся распевщиков России XVI–XVII вв.

Л. И. Журова
Новосибирск

К вопросу о протографе Румянцевского сборника сочинений Максима Грека*

Сборник РГБ (Ф. 256. Собр. Румянцева, № 264, в 4-ю долю листа, 1551–1555 гг.), полуустав нескольких почерков (далее – *Р*), известен как прижизненное Румянцевское собрание сочинений Максима Грека в единственном списке. Он отличается кодикологической пестротой, бессистемностью и раритетностью состава, имеет авторскую правку, как и основные списки двух других собраний Святогорца: Иоасафовский (РГБ. Собр. МДА. Фунд. № 42, середина XVI в., далее – *И*) и Хлудовский (РГБ. Собр. Большакова, № 285, середина XVI в., далее – *Х*). Рукопись долгое время суще-

---

* Статья написана при финансовом содействии гранта Президента РФ для поддержки ведущих научных школ № НШ-991-2008-6.

ствовала в виде отдельных тетрадей и была переплетена только в конце XVI – начале XVII в.¹ А. Т. Шашков в свое время высказал интересное предположение о ее нахождении в библиотеке Андрея Курбского². Этим обстоятельством, видимо, можно объяснить уникальность судьбы сборника.

Текстологический анализ глав Иоасафовского, Хлудовского и Румянцевского собраний позволил определить место последнего среди авторских кодексов. Нет оснований считать, что между ними были прямые и непосредственные связи. Протографы глав авторских собраний, скорее всего, независимы друг от друга. В истории текста установлено существование следующих архетипов: Румянцевско-Иоасафовского, Иоасафовско-Хлудовского и Румянцевского. Румянцевский сборник сохранил первоначальные варианты авторского текста³.

Наибольшим набором индивидуальных текстологических особенностей обладает, как и ожидалось по результатам кодикологического анализа, Румянцевский сборник. В целом он может быть рассмотрен как гетерогенный текст, где литературная судьба каждой статьи неповторима, и внутри сборника невозможно установить не только систему, но и некую структурную и содержательную общность.

Ряд статей Румянцевского сборника не имеет названий, заголовки нескольких сочинений надписаны на полях, что свидетельствует о поэтапном процессе складывания текста. Одни названия писаны киноварью, другие – черными чернилами. В заглавиях, как правило, нет представления автора, т. е. нет слов «Того же инока Максима Грека», которые повторены в каждой главе Иоасафовского и Хлудовского собраний. К текстологическим особенностям Румянцевской рукописи следует отнести: наличие конкретных имен адресатов, которые в Хлудовском собрании заменены на «некий

---

¹ См.: Синицына И. В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 175–186, 248–261.

² В память о безвременно ушедшем талантливым исследователе А. Т. Шашкове, в планах которого было написать статью на эту тему, помещаю в Приложении фрагмент его кандидатской диссертации о судьбе Румянцевского сборника.

³ См.: Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Новосибирск, 2008.

друг», «некий инок», «некий князь»; краткие формы слов (например, краткое прилагательное предпочтительнее полного) и словосочетаний (например, «отгнания» вместо «отгнания вечнаго», «прииди» вместо «прииде вскоре» и т. д.); свой особый синонимический ряд («влезше»/«вшедше», «расточить»/«раздать» и др.); отсутствие связок («и паки», «и инде») между библейскими цитатами; характерные грамматические формы (отсутствие, как правило, глаголасвязки в предикативной конструкции, употребление местного падежа вместо родительного и др.); правку почерком неосновного писца, по своему характеру похожую на правку Максима Грека. Некоторые статьи поданы агглютинативным способом. Несколько сочинений помещены в сборнике дважды (например, Послание митрополиту Даниилу, «Слово на лихоимствующих»), но такие «вторые» списки, переписанные одним почерком, не стали копиями, а самостоятельно значимы в истории авторского текста.

Уникальна история текста Румянцевского сборника. До недавнего времени считалось, что он не имел развития в дальнейшей рукописной традиции, тогда как Иоасафовский и Хлудовский кодексы были положены русскими книжниками в конце XVI – начале XVII в. в основу новых собраний сочинений писателя (Рогожского, архиепископа Ионы, Синодального, Троицкого, Полного, Поморского и др.). На основе текстологического анализа мною установлены две рукописи, в которых выявлены текстологические сходства с Румянцевским собранием. Знаменитый Алтайский сборник с Судным списком (ГПНТБ СО РАН. F.IV.3, в лист, конца XVI в.), открытый и исследованный Н. Н. Покровским, содержит шесть оригинальных сочинений Максима Грека (главы 7, 8, 18–21, далее – *Ал*)⁴, история текста которых во многом совпадает с прижизненным Румянцевским списком⁵. Собрание Архивное-2, введенное в научный оборот и описанное Д. М. Буланиным⁶ (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. № 1622,

---

⁴ См.: *Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки* / подгот. Н. Н. Покровский. М., 1971. С. 12–13.

⁵ См.: *Журова Л. И.* Алтайский сборник в рукописной традиции сочинений Максима Грека // Книга и литература. Новосибирск : НГУ ; ГПНТБ. В печати.

⁶ См.: *Буланин Д. М.* Лексикон Свиды в творчестве Максима Грека // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 275–279; *Его же.* Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984. С. 236–238.

в 4-ю долю листа, перв. четверть XVII в.; далее – *Ар*), ценно в-первых, тем, что в нем сохранились списки сочинений, известных только в одном прижизненном собрании – Румянцевском («Сказание от части 3 песни Анны пророчицы», л. 100–105 об.; «Сказание о толковании имен и географических названий в Слове Григория Богослова», л. 76 об. – 82 об.; «Сказание об обязанностях иерарха», л. 91–91 об. и др.), во-вторых, некоторыми общими чертами истории текста.

Текстологический анализ ряда сочинений по спискам этих сборников указывает на их генетические связи с Румянцевским собранием. Так, в «Сказании об освящении воды», представляющем 35-ю главу Иоасафовского собрания, 43-ю главу Хлудовского и 63-ю статью Румянцевского, обнаружены чтения, совпадающие только у *P* и *Ар*:

<i>И, X</i>	<i>P, Ар</i>
Того же инока Максима сказание (<i>И</i> , л. 321; <i>X</i> , л. 55)	Того же инока Максима <u>Грека</u> сказание (<i>P</i> , л. 107 об., <i>Ар</i> , л. 64 об.)
Онем же спрашоваль мене (<i>И</i> , л. 321; <i>X</i> , л. 55)	Онем же спрашиваль еси мене (<i>P</i> , л. 107 об., <i>Ар</i> , л. 64 об.)
Здравствуи о Господѣ (<i>И</i> , 323; <i>X</i> , л. 58 об.)	<i>Нѣм</i> (<i>P</i> , л. 109; <i>Ар</i> , л. 68)

История текста «Послания митрополиту Даниилу» примечательна в первую очередь тем, что сочинение в Румянцевской рукописи известно по двум спискам: *P-5*, л. 18 об. – 22 и *P-69*, л. 127–131 об., в Хлудовском собрании оно помещено под главой 56, л. 146–153 об. Анализ показал, что *Ар* близок к румянцевским спискам, а именно к *P-69*:

<i>X</i>	<i>P-69, Ар</i>
сам сподобишися тоя же благодати (л. 152)	сам сподобишися от <u>Него</u> тая благодати (<i>P</i> , л. 130; <i>Ар</i> , л. 120)
вѣрныя Его (л. 152 об.)	вѣрныя Его <u>люди</u> (<i>P</i> , л. 130 об.; <i>Ар</i> , л. 120 об.)
уразумѣти вамъ всю правду (л. 153)	уразумѣти вамъ <u>оттуду</u> (оттуда – <i>Ар</i>)
	всю правду (<i>P</i> , л. 131; <i>Ар</i> , л. 121)

Эти примеры демонстрируют уникальные случаи присутствия традиции Румянцевского собрания в истории собрания Архивное-2, но при этом надо сказать, что последнее имеет массу индивидуальных чтений, определяющих его «текстологический портрет».

История уникального «Сказания от части 3 песни Анны пророчицы», одного из антиастрологических сочинений Максима Грека⁷, чрезвычайно важна для решения вопроса о протографе Румянцевского сборника. До недавнего времени считалось, что оно сохранилось только в Румянцевском собрании (л. 11–18). В. Ф. Ржига и А. И. Иванов предполагали существование на этих листах двух сочинений под одним названием: л. 11–14 (*Р-3а*) и л. 14–18 (*Р-3б*)⁸. Н. В. Синицына вначале была склонна «определить весь текст как единое произведение»⁹, но уже в «Проекте издания сочинений Максима Грека» она выделяет две статьи¹⁰.

Изучение рукописной традиции «Сказания...» убеждает в существовании двух самостоятельных сочинений в агглютинативном типе текста списка *Р-3*. Так, первый текст, *Р-3а*, известен по списку *Ар*. Основные разночтения по своему содержанию представляют, скорее всего, авторские варианты:

<i>Р-3а</i>	<i>Ар</i>
глаголет божественный апостол (л. 11 об.)	глаголет божественный апостол <u>Павел</u> (л. 100)
наслаждение духовное предложити ему (л. 12)	наслаждение духовное предложити <u>тебе</u> (л. 100)
Глаголю же лествцем людским, звездочетцем, отгонящим убо всэх Промысленика от промысла и правления сущих: фортуне же... (л. 12)	Глаголю же лествцем людским, звездочетцем, отгонящим убо <u>ими же</u> <u>мудрствуют</u> всэх Промысленика от промысла и правления <u>твари</u> : фортуне же <u>басненей</u> ...

⁷ См.: Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуции, библиография. Л., 1969. № 152–165.

⁸ См.: Ржига В. Ф. Неизданные сочинения Максима Грека // *Bysantinoslavica*. Prague, 1935–1936. Т. 4. Р. 89–90; Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека ... С. 123.

⁹ Синицына Н. В. Максим Грек в России. С. 249, примеч. 3.

¹⁰ См.: Синицына Н. В. Проект издания сочинений Максима Грека // *Offprint from Cyrillomethodianum XVII–XVIII. Thessalonique 1993–1994*. С. 135.

испущати из уст своих велерэчие,
сирэчь хулу, на Строителя всэх
(л. 12)

Пришедшу же Спасу в мир, и крест
и смерть волею изволившу,
и въставшу из мертвых, силнын
дотолэ и их лук идолослужения
съкрушися в конець силоу
божественоу Распятаго
(л. 12 об.)

(л. 100)

испущати из уст своих велерэчие,
сирэчь хулу, на Строителя всэх и Бога
(л. 100)

Пришедшу же Спасу в мир, и крест
и смерть волею претерпевшу,
и въставшу из мертвых, бывше силни
дотолэ бэси и лук их, сиирэчь
идолослужения, съкрушися в конець
силоу божественоу Распятаго
(л. 100 об.)

Второй текст (*Р-36*) сохранился в Алтайском сборнике, где сочинение имеет название «Сказание от части 3 пэсни пророчицы Анны и на звездочетцев», дополнение «и на звездочетцев» является новым чтением списка *Ал*. Выявленные в результате текстологического анализа особенности *Ал* поражают значительным числом новых чтений в таком небольшом сочинении. Текстологическая картина «Сказания...» оказалась богаче истории текста других простран-ных антиастрологических сочинений Максима Грека. В результате текстологического анализа двух списков «Сказания...» обнаружены важные в смысловом значения особенности *Ал*. Этот список содержит ряд чтений, более полных, чем в *Р-36*:

Р-36

длъжни есме мы... небесныа
философии рачителе гнушати...
таковыа... прелести
(л. 15)

Бог ненавидит от души и гнушается
обидающих и лихоимствующих,
достоинных милования
(л. 15 об.)

А иже без ума преступают ихъ,
всегда вльнуемии бэдами
(л. 16)

овых скверни
(л. 16 об.)

по них человэком виновенъ
(л. 16–16 об.)

Ал

должны есме мы... небесныа
философии рачителie и ревнителе
гнушати... таковыа... прелести
(л. 184–184 об.)

Богъ ненавидит от души и гнушается
обидающих, и лихоимствующих,
и немилующих, достоинных милования
(л. 185)

А иже без ума преступают их,
всегда волнуемии бывают всяческими
напастьми и бэдами
(л. 185)

овы же скверни и блудолюбцы
(л. 186)

по их безумию виновен человэком
(л. 186)

Давидъ же Саулу, царю иудэйскому
съ сыны своими истреблену
бывшу от иноплеменникъ п
о праведному Божию гнѣву
(л. 17–17 об.)

Давидъ же Саулу, царю иудейскому
и с сыны своими убиенну и
изстребленну бывшу от иноплеменник
по праведному и Божию гнѣву, зане
многожды безумиємъ своимъ разгнѣвалъ
бѣ Бога преступлениемъ взлении Его
(л. 186 об.)

Более чем вероятно, что эти новые чтения *Ал* – авторские, потому что они делают смысл текста более понятным и, главное, логичным.

Синонимы – верная примета авторского редактирования текста, сам лексический ряд присущ языку афонского монаха:

Р-36
лукавым (л. 16 об.)
блудником (л. 16 об.)
сынове... германстии (л. 16 об.)
неблагодѣтели (л. 16 об.)
Бога (л. 17)
судбами божиими неизреченными
(л. 17 об.)

Ал
злым (л. 185 об.)
блудолобцем (л. 185 об.)
немецтвии (л. 185 об.)
злочастии (л. 186)
Съдѣтеля (л. 186 об.)
...неисследованными (л. 187)

Вариантные чтения принадлежат писателю:

Р-36
скверни
(л. 16 об.)
сплетениемъ звезднымъ възлагаютъ е
(л. 17)
нестроения наша случаются
(л. 17)
Сие рекъ к вамъ немного
(л. 17 об.)

Ал
скверни и блудолобцы
(л. 186)
строение всѣхъ
(л. 186)
нестроения житииска случаются
(л. 186)
Сие рекъ к вамъ не безъ ума
(л. 187)

Таким образом, совершенно очевидно, что список *Ал* сохранил уникальный текст Максима Грека.

Выявленная текстологическая картина отношений Румянцевского сборника, собрания Архивного-2 и Алтайского сборника дает все основания для признания протографа, к которому самостоятельно восходили списки сочинений трех рукописей. Вероятно, предпо-

лагаемый источник не представлял собой именно сборник. Из сложившегося к середине XVI в. обширного круга текстов писателя формируются подборки сочинений, систематизированные или случайные. Такие комплексы могли служить протографическим вариантом для новых сводов.

Изучение сборника из исторического архива РГИА (Ф. 834. Оп. 2. № 1558, в 4-ю долю листа, конец XVI в.), сохранившего ряд сочинений Максима Грека, позволяет видеть, как его редактор правил рукопись, сверяя текст с *P* или его протографом. Например, в «Послание митрополиту Даниилу» внесена следующая правка:

<i>X, Ар</i>	<i>P-69</i>	<i>правка в Ар</i>
блюсти <u>неблагодарьственное</u> сътдание пречистых рукъ твоих (л. 149 об.)	неключимое	<i>в строке</i> <i>под киноварными</i> <i>знаками глоссы:</i> [не]благодарьственное, <i>на поле</i> ключимое
молю... честнѣишыи отче (л. 150)	молю... честнѣишыи <u>мнѣ</u> отче и <u>государю</u>	<i>слова мнѣ и государю</i> <i>вписаны над строкой</i>
въместо благословения (л. 151)	въместо благословения <u>и молитвы</u>	<i>слова и молитвы</i> <i>вписаны над строкой</i>
ты же, якоже таиноучитель (л. 151)	ты же, о священаа главо, якоже таиноучитель	<i>слова о священаа главо</i> <i>вписаны на левом поле</i> <i>со знаком вставки</i>
прегрѣшения ваша (л. 151 об.)	прегрѣшения ваша (ваша исправлено почерком Максима Грека на их)	<i>зачеркнуто</i> ваша, <i>над строкой вписано их</i>

Наблюдаемая в таблице правка указывает на использование Румянцевского протографа в книжной культуре конца XVI в. Таким образом, в рукописной традиции сочинений Максима Грека необходимо выделить отдельное направление – Румянцевское, наряду с Иоасафовским и Хлудовским, представленное историей текста ряда сборников конца XVI – начала XVII в.

Приложение

Шашков А. Т. Библиотека князя Андрея Михайловича Курбского // Шашков А. Т. Сочинения Максима Грека в старообрядческой рукописной

традиции и идеологическая борьба в России во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. : дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1982. С. 216–221.

Хорошо известно, что Курбский считал себя учеником Максима Грека и относился к числу наиболее ревностных его почитателей. В связи с этим закономерен вопрос о наличии в библиотеке князя сборника сочинений ученого грека. Некоторыми сведениями о книгах Курбского, которые принадлежали ему до бегства в Литву весной 1564 г., мы располагаем. Так, в записке, написанной им в Вольмаре и отправленной в Юрьев к неизвестным лицам, помимо сообщения о «писании», адресованном в Псково-Печерский монастырь и заключавшем «дело государское», говорится также о том, что на воеводском дворе в Юрьеве «остались тетратки переплетены, а кожа на них не положена, и вы и тех Бога ради не затеряйте» (РИБ. СПб., 1914. Т. 31. Стб. 359–360). Содержание этих «тетраток» мы узнаем из другого источника: в том же 1564 г. литовский гетман князь А. И. Полубенский по просьбе Курбского прислал в Юрьев грамоту к сыну боярскому Я. Шаблыкину, предлагая ему отыскать оставшиеся книги Курбского и доставить их в обмен на пленного слугу, которого в противном случае ждала виселица. В грамоте давалось и описание книг, в том числе и тех «тетраток», о которых так беспокоился Курбский: «Книга одна в полдесть, писана скорописью, а кожа на ней не на всей, лише на пяти кожа клеена; а тетратей в ней есть с шестьдесят и с семьдесят, а словеса в ней писаны...». Далее приводится содержание сборника: «слово Иосифа Еврееина о Макковях, да слово о Авраме и Мелхиседеке и Оригене, да и иные многие словеса Максима философа да и иных святых». Сумел ли получить Курбский свои книги обратно – неизвестно. Скорее всего, нет, так как речь в данном случае шла о «государевом изменнике», бумаги которого вряд ли остались без внимания правительства. Сразу же следует сказать, что «словеса», перечисленные в грамоте Полубенского, являясь переводами Максима Грека и встречаются вместе только в одном сборнике – ГПБ. Q.I.219, причем во второй его части (сборник состоит из двух разновременных рукописей), относящейся к XVI в. Однако эту вторую часть признать сборником Курбского нельзя, так как, во-первых, некоторые листы этой части имеют формат в 8-ю долю листа, во-вторых, Слово о Маккавях Иосифа Флавия в данной рукописи носит название «Слово Филиппа иудеяина». Однако не исключено, что между сборником ГПБ. Q.I.219 и сборником Курбского какая-то связь существовала. Можно также выдвинуть другое предположение: сборником Курбского является уникальная рукопись сочинений и переводов Максима Грека середины XVI в., содержащая его собственноручную правку – РГБ. Собр. Румянцева, № 264. Для доказательства этого можно привести следующие доводы: совпадает время их написания (около середины XVI в.) и формат (в 4-ку); Румянцевский сборник написан беглым полууставом, переходящим в скоропись; как доказала Н. В. Сеницына, во второй половине XVI в. Румянцевский сборник хранился в виде отдельных тетрадей, а Курбский также называет свой сборник «тетратками», имевшими лишь временный переплет (кожа, подклеенная «на пяте», то есть на корешке); в сборнике Курбского

было 60–70 тетрадей, а в Румянцевском сборнике по частично сохранившимся первым, современным рукописи, сигнатурам их было более 40, причем утрачены начало I тетради, 8 тетрадей в середине и, вероятно, последние, сколько – неизвестно; переводы Максима Грека из Лексикона Суда (или Сви-ды), имевшиеся в сборнике Курбского (о Аврааме, о Мелхиседеке и о Оригене), в Румянцевском сборнике также есть; что касается Слова о Макковеех, то оно, видимо, утрачено вместе с несохранившимися тетрадями. Принадлежность Румянцевского сборника Курбскому, очевидно, могла объяснить тот факт, что его состав в рукописной традиции больше не повторяется, так как книги сбежавшего в Литву князя, по всей видимости, изъятые по приказу Грозного с воеводского двора в Юрьеве, наверняка оказались недоступными для всех посторонних. Впрочем, тот факт, что Румянцевский сборник в конце XVI или в XVII в. был, наконец, переплетен (тогда и появились вторые сигнатуры тетрадей, давшие возможность точнее определить утрату части листов), доказывает достаточно бережное к нему отношение... После своего создания Румянцевский сборник находился в распоряжении Максима Грека, который делал в нем правку. От него-то юный Курбский и мог получить в подарок данный сборник. Косвенным образом это подтверждается тем, что именно своими «тетратками» в особенности дорожил князь.

Н. Л. Пяткова
Екатеринбург

Судьба человека в переломную эпоху (конец XVI–XVII в.)

В основе социокультурной реальности каждого этноса лежат освоенные и отобранные архетипы, принимающие форму стандартов, эталонов, образцов поведения и отношения к миру. Благодаря их взаимодействию, которое может изменяться в различные эпохи, происходит функционирование социокультурных характеристик этноса. В этом контексте выделяется индивидуальное культурное пространство, которое более мобильно, в нем накапливаются механизмы реализации изменений. В стационарные эпохи культурное пространство этноса явно довлеет над пространством индивидуальным, жестко задает его параметры. Но в эпохи переломные возникает ощущение разрушения социокультурного пространства,

© Пяткова Н. Л., 2009